

Александр Иванович
Герцен

БЫЛОЕ И ДУМЫ

VI

МЕМОУАРЫ

Москва, 2018

УДК 82-94
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Г41

Герцен, А. И.

Г41 Былое и думы VI / А. И. Герцен. – М. : Т8RUGRAM, 2018. – 302 с.

ISBN 978-5-521-07341-2

Александр Иванович Герцен (1812–1870) – публицист, писатель, философ XIX века, либерал, сторонник революционных преобразований, один из виднейших критиков официальной идеологии и политики Российской империи.

«Былое и думы» – автобиографический роман, над которым автор работал почти шестнадцать лет, был признан мировым шедевром мемуарной литературы. Герцену удалось блестяще изобразить образ русского революционера, а также составить настоящую энциклопедию, отражающую быт, нравы и общественную жизнь России середины XIX века. Эта книга позволит читателю переосмыслить свою жизнь и получить ответы на многие важные вопросы.

УДК 82-94
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-07341-2

© Т8RUGRAM, 2018

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ
Вольная русская типография
и «Колокол»

ГЛАВА I

Апогей и перигей 1858—1862

I

...Часов в десять утра я слышу снизу густой и недовольный голос:

— *Me dit комса — колонель рюс вё вуар.*

— *Monsieur ne reçoit jamais le matin et...*

— *Жепардемен.*

— *Et votre nom, monsieur...*

— *Mais ву дире колонель рюс¹,* — и полковник прибавил голосу.

Жюль был в великом затруднении. Я спросил сверху, подойдя к лестнице:

— *Qu'est ce qu'il y a?*

— *Се ву?* — спросил полковник.

— *Oui, c'est moi².*

— Велите, батюшка, пустить. Ваш слуга не пускает.

— Сделайте одолжение, взойдите.

Несколько рассерженный вид полковника прояснился, и он, вступая вместе со мной в кабинет, вдруг как-то приосанился и сказал:

¹ — Скажите просто: русский полковник желает видеть. — Господин никогда не принимает по утрам и... — Завтра я уезжаю. — Ваше имя, сударь? — Да вы скажите: русский полковник (франц.).

² — В чем дело? — Это вы? — Да, это я (франц.).

— Полковник такой-то; находясь проездом в Лондоне, поставил за обязанность явиться. Я тотчас почувствовал себя генералом и, указывая на стул прибавил:

— Садитесь.

— Полковник сел.

— Надолго здесь?

— До завтрашнего числа-с.

— И давно приехали?

— Трое суток-с.

— Что же так мало погостили?

— Видите, здесь без языка-с, оно дико, точно в лесу. Душевно желал вас лично увидеть, благодарить от себя и от многих товарищей. Публикации ваши очень полезны; и правды много, и иногда животы надорвешь.

— Чрезвычайно вам благодарен, это единственная награда на чужбине. И много получают у вас наших изданий?

— Много-с... Да ведь сколько и лист-то каждый читают: до дыр-с, до ключей читают и зачитывают; есть охотники — даже переписывают. Соберемся так иногда читать, ну и критикуем-с... Вы, надеюсь, позвольте с откровенностью военного и искренно уважающего человека?

— Сделайте одолжение, нам-то уж не приходится восставать против свободы слова.

— Мы так между собою часто говорим: польза большая в ваших обличениях; сами знаете, что скажешь у нас о Сухозанете, примерно, — держи язык за зубами; или вот об Адлерберге? Но, видите, вы давно оставили Россию, вы *слишком* ее забыли, и нам все кажется, что больно много напираете на крестьянский вопрос... не созрел...

— Будто?

— Ей-ей-с... Я совершенно согласен с вами; помилуйте, та же душа, образ, подобие божие... и все это, поверьте, теперь видят многие, но торопиться нельзя, *преждевременно*.

— Вы думаете?

— Полагаю-с... Ведь наш мужик страшный лентяй... Он, пожалуй, и добрый малый, но пьяница и лентяй. Освободи его сразу — работать перестанет, полей не засеет, просто с голоду умрет.

— Да вам-то что же за забота? Ведь вам, полковник, никто не поручал продовольствие народа русского...

Из всех возможных и невозможных возражений полковник наименьше ждал того, которое я ему сделал.

— Оно конечно-с, с одной стороны...

— Да вы не бойтесь с *другой*; ведь не в самом деле он умрет с голоду оттого, что хлеб сеять будет не для барина, а для себя?

— Вы меня извините, я счел долгом сказать... Мне кажется, впрочем, я слишком много отнимаю у вас вашего драгоценного времени... Позвольте откланяться.

— Покорнейше благодарю за посещение.

— Помилуйте, не беспокойтесь. *У е мон каб?*¹ Далеконько живете-с.

— Не близко.

Я хотел этой великолепной сценой начать эпоху нашего цветения и преуспевания. Такие и подобные сцены повторялись непрерывно; ни страшная даль, в которой я жил от Вест-Энда — в Путнее, Фуламе... ни постоянно запертые двери по утрам — ничего не помогало. Мы были в моде.

Кого и кого мы ни видали тогда!.. Как многие дорого заплатили бы теперь, чтоб стереть из памяти, если не своей, то людской, свой визит... Но тогда, повторяю, *мы были в моде*, и в каком-то гиде туристов я был отмечен между достопримечательностями Путнея.

Так было от 1857 до 1863, но прежде было не так. По мере того как росла после 1848 и утверждалась реакция в Европе,

¹ Где мой экипаж? (франц.).

а Николай свирепел не по дням, а по часам, русские начали избегать меня и побаиваться... К тому же в 1851 стало известно, что я официально отказался ехать в Россию. Путешественников тогда было очень мало. Изредка являлся кто-нибудь из старых знакомых, рассказывал страшные, уму непостижимые вещи, с ужасом говорил о возвращении и исчезал, осматриваясь, нет ли соотечественника. Когда в Ницце ко мне заехал в карете и с лон-лакеем А. И. Сабуров, я сам смотрел на это как на геройский подвиг. Проезжая тайком Францию в 1852, я в Париже встретил кой-кого из русских — это были последние. В Лондоне не было никого. Проходили недели, месяцы...

Ни звука русского, ни русского лица¹.

Писем ко мне никто не писал. М. С. Щепкин был первый сколько-нибудь близкий человек *из дома*, с которым я увидался в Лондоне. О свидании с ним я рассказывал в другом месте². Его приезд был для меня чем-то вроде родительской субботы; мы справляли с ним поминки всему московскому, и самое настроение обоих было какое-то похоронное. Настоящим голубем ковчега с маслиной во рту был не он, а доктор В-ский.

Он был первый русский, приехавший к нам после смерти Николая в Чомле-Лодж в Ричмонде, постоянно удивляясь, что она называется так, а пишется Cholmondeley Lodge³. Вести, привезенные Щепкиным, были мрачны; он сам был в печальном настроении. В-ский смеялся с утра до вечера, показывая свои белейшие зубы; вести его были полны той надежды, того

¹ Я, разумеется, не говорю о двух-трех эмигрантах.

² «Колокол» 1863 год.

³ Милый В-ский попадал в удивительные просаки с английским языком. — Отсюда, — говорил он моему сыну, — судя по карте, недалеко Кев? — Я не слыхивал такого места. — Помилуйте, там огромный ботанический сад и первая оранжерея в Европе. — Спросим у садовника. — Спросили, и он не знает. В-ский развернул план. — Да вот он возле самого Ричмон! — Это был Кью.

«сангвинизма», как говорят англичане, который овладел Россией после смерти Николая и сделал светлую полосу на суровом фоне петербургского императорства. Правда, он же привез плохие новости о здоровье Грановского и Огарева, но и это терялось в яркой картине проснувшегося общества, которого он сам был образчиком.

С какой жадностью слушал я его рассказы, переспрашивал, добивался подробностей... Я не знаю, знал ли он тогда или оценил ли после то безмерное добро, которое он мне сделал.

Три года лондонской жизни утомили меня. Работать, не видя близкого плода, тяжело; к тому же я слишком разобщенно стоял со всякой родственной средой. Печатая с Чернецким лист за листом и ссылая груды отпечатанных брошюр и книг в подвалы Трюбнера, я почти не имел возможности переслать что-нибудь за русскую границу. Не продолжать я не мог: русский станок был для меня делом жизни, доской из отчего дома, которую переносили с собой древние германцы; с ним я жил в русской атмосфере, с ним был готов и вооружен. Но при всем том глухо пропадавший труд утомлял, руки опускались. Вера слабела минутами и искала знамений, и не только их не было, но не было *ни одного* слова сочувствия из дома.

С Крымской войной, с смертью Николая, настает другое время; из-за сплошного мрака выступали новые массы, новые горизонты, чулось какое-то движение; разглядеть издали было трудно — очевидец был необходим. Он-то и явился в лице В-ского, подтвердившего, что эти горизонты — не мираж, а была, что барка тронулась, что она на ходу. Стоило взглянуть на светлое лицо его... чтоб ему поверить. — Таких лиц вовсе не было в последнее время в России...

Удрученный непривычным для русского чувством, я вспомнил Канта, снявшего бархатную шапочку при вести о провозглашении республики 1792 года и повторившего «ныне отпу-

щаеши» Симеона-богопримца. Да, хорошо уснуть на заре... после длинной ненастной ночи, с полной верой, что настает чудесный день!

Так умер Грановский...

...Действительно, наставало *утро* того дня, к которому стремился я с тринадцати лет — мальчиком в камлотовой куртке, сидя с таким же «злоумышленником» (только годом моложе) в маленькой комнате «старого дома», в университетской аудитории, — окруженный горячим братством; в тюрьме и ссылке; на чужбине, проходя разгромом революций и реакций; наверху семейного счастья и разбитый, потерянный на английском берегу с моим печатным *монологом*. Солнце, садившееся, освещающая Москву под Воробьевыми горами¹, и уносившее с собой отроческую клятву... выходило после двадцатилетней ночи.

Какой же тут покой и сон... *За дело!* И за дело я принялся с удвоенными силами. Работа не пропадала больше, не исчезала в глухом пространстве: громкие рукоплескания и горячие сочувствия неслись из России. «Полярная звезда» читалась нарасхват. Непривычное ухо русское примирилось с свободной речью, с жадностью искало ее мужественную твердость, ее бесстрашную откровенность.

Весной 1856 приехал Огарев, год спустя (1 июля 1857) вышел первый лист «Колокола». Без довольно близкой периодичности нет настоящей связи между органом и средой. Книга остается, журнал исчезает, но книга остается в библиотеке, а журнал исчезает в мозгу читателя и до того усваивается им повторениями, что кажется ему его собственной мыслью. Если же читатель начнет забывать ее, новый лист журнала, никогда не боящийся повторений, подскажет и подновит ее.

Действительно, влияние «Колокола» в один год далеко переросло «Полярную звезду». «Колокол» в России был принят

¹ «Былое и думы», часть I.